

А.П. Чехов

СОБЫТИЕ

Утро. Сквозь льдяные кружева, покрывающие оконные стекла, пробивается в детскую яркий солнечный свет. Ваня, мальчик лет шести, стриженный, с носом, похожим на пуговицу, и его сестра Нина, четырехлетняя девочка, кудрявая, пухленькая, малорослая не по летам, просыпаются и через решетки кроваток глядят сердито друг на друга.

— У-у-у, бесстыдники! — ворчит нянька. — Добрые люди уж чаю напившись, а вы никак глаз не продерете...

Солнечные лучи весело шалят на ковре, на стенах, на подоле няньки и как бы приглашают поиграть с ними, но дети не замечают их. Они проснулись не в духе. Нина надувает губы, делает кислое лицо и начинает тянуть:

— Ча-аю! Нянька, ча-аю!

Ваня морщит лоб и думает: к чему бы придраться, чтоб зареветь? Он уж заморгал глазами и открыл рот, но в это время из гостиной доносится голос мамы:

— Не забудьте дать кошке молока, у нее теперь котятка!

Ваня и Нина вытягивают физиономии и с недоумением глядят друг на друга, потом оба разом вскрикивают, прыгают с кроваток и, оглашая воздух пронзительным визгом, бегут босиком, в одних рубашонках в кухню.

— Кошка оценилась! — кричат они. — Кошка оценилась!

В кухне под скамьей стоит небольшой ящик, тот самый, в котором Степан таскает кокс, когда топит камин. Из ящика выглядывает кошка. Ее серая рожица выражает крайнее утомление, зеленые глаза с узкими черными зрачками глядят томно, сентиментально... По роже видно, что для полноты ее счастья не хватает только присутствия в ящике «его», отца ее детей, которому она так беззаветно отдалась! Хочет она промяукать, широко раскрывает рот, но из горла ее выходит одно только сипенье... Слышится писк котят.

Дети садятся на корточки перед ящиком и, не шевелясь, притаив дыхание, глядят на кошку... Они удивлены, поражены и не слышат, как ворчит погнавшаяся за ними нянька. В глазах обоих светится самая искренняя радость.

В воспитании и в жизни детей домашние животные играют едва заметную, но несомненно благотворную роль. Кто из нас не помнит сильных, но великодушных псов, дармоедок-болонок, птиц, умиравших в неволе, тупоумных, но надменных индюков, кротких старух-кошек, прощавших нам, когда мы ради забавы наступали им на хвосты и причиняли им мучительную боль? Мне даже иногда кажется, что терпение, верность, всепрощение и искренность, какие присущи нашим домашним тварям, действуют на ум ребенка гораздо сильнее и положительнее, чем длинные нотации сухого и бледного Карла Карловича или же туманные разглагольствования гувернантки, старающейся доказать ребятам, что вода состоит из кислорода и водорода.

— Какие маленькие! — говорит Нина, делая большие глаза и заливаясь веселым смехом. — Похожи на мышов!

— Раз, два, три... — считает Ваня. — Три котенка. Значит, мне одного, тебе одного и еще кому-нибудь одного.

— Муррррм... муррррм... — мурлычет роженица, польщенная вниманием. — Муррррм.

Наглядевшись на котят, дети берут их из-под кошки и начинают мять в руках, потом, не удовлетворившись этим, кладут их в подолы рубах и бегут в комнаты.

— Мама, кошка оценилась! — кричат они.

Мать сидит в гостиной с каким-то незнакомым господином. Увидев детей, неумытых, неодетых, с задранными вверх подолами, она конфузится и делает строгие глаза.

— Опустите рубахи, бесстыдники! — говорит она. — Подите отсюда, а то я вас накажу.

Но дети не замечают ни угроз матери, ни присутствия чужого человека. Они кладут котят на ковер и поднимают оглушительный визг. Около них ходит роженица и умоляюще мяукает. Когда, немного погодя, детей тащат в детскую, одевают их, ставят на молитву и поят чаем, они полны страстного желания поскорее отделаться от этих прозаических повинностей и опять бежать в кухню.

Обычные занятия и игры уходят на самый задний план.

Котята своим появлением на свет затемняют всё и выступают как живая новость и злоба дня. Если бы Ване или Нине за каждого котенка предложили по пуду конфет или по тысяче гривенников, то они отвергли бы такую меню без малейшего колебания. До самого обеда, несмотря на горячие протесты няньки и кухарки, они сидят в кухне около ящика и возятся с котятами. Лица их серьезные, сосредоточены и выражают заботу. Их тревожит не только настоящее, но и будущее котят. Они порешили, что один котенок останется дома при старой кошке, чтобы утешать свою мать, другой поедет на дачу, третий будет жить в погребе, где очень много крыс.

— Но отчего они не глядят? — недоумевает Нина.
— У них глаза слепые, как у нищих.

И Ваню беспокоит этот вопрос. Он берется открыть одному котенку глаза, долго пыхтит и сопит, но операция его остается безуспешной. Немало также беспокоит и то обстоятельство, что котята упорно отказываются от предлагаемых им мяса и молока. Всё, что кладется перед их мордочками, съедается серой мамашей.

— Давай построим котятам домики, — предлагает Ваня. — Они будут жить в разных домах, а кошка будет к ним в гости ходить...

В разных углах кухни ставятся картонки из-под шляп. В них поселяются котята. Но такой семейный раздел оказывается преждевременным: кошка, сохраняя на рожице умоляющее и сентиментальное выражение, обходит все картонки и сносит своих детей на прежнее место.

— Кошка ихняя мать, — замечает Ваня, — а кто отец?

— Да, кто отец? — повторяет Нина.

— Без отца им нельзя.

Ваня и Нина долго решают, кому быть отцом котят, и в конце концов выбор их падает на большую темно-красную лошадь с оторванным хвостом, которая валяется в кладовой под лестницей и вместе с другим игрушечным хламом доживает свой век. Ее тащат из кладовой и ставят около ящика.

— Смотри же! — грозят ей. — Стой тут и гляди, чтобы они вели себя прилично.

Всё это говорится и проделывается серьезнейшим образом и с выражением заботы на лице. Кроме ящика с котятами, Ваня и Нина не хотят знать никакого другого мира. Радость их не имеет пределов. Но приходится переживать и тяжелые, мучительные минуты.

Перед самым обедом Ваня сидит в кабинете отца и мечтательно глядит на стол. Около лампы на гербовой бумаге ворочается котенок. Ваня следит за его движениями и тычет ему в мордочку то карандашом, то спичкой... Вдруг, точно из земли выросши, около стола появляется отец.

— Это что такое? — слышит Ваня сердитый голос.

— Это... это котенок, папа...

— Вот я тебе покажу котеночка! Погляди, что ты наделал, негодный мальчишка! Ты у меня всю бумагу испачкал!

К великому удивлению Вани, папа не разделяет его симпатий к котятам и, вместо того, чтоб прийти в

восхищение и обрадоваться, он дергает Ваню за ухо и кричит:

— Степан, убери эту гадость!

За обедом тоже скандал... Во время второго блюда обедающие вдруг слышат писк. Начинают доискиваться причины и находят у Нины под фартучком котенка.

— Нинка, вон из-за стола! — сердится отец. — Сию же минуту выбросить котят в помойку! Чтоб этой гадости не было в доме!..

Ваня и Нина в ужасе. Смерть в помойке, помимо своей жестокости, грозит еще отнять у кошки и деревянной лошади их детей, опустошить ящик, разрушить планы будущего, того прекрасного будущего, когда один кот будет утешать свою старуху-мать, другой — жить на даче, третий — ловить крыс в погребе... Дети начинают плакать и умолять пощадить котят. Отец соглашается, но с условием, чтобы дети не смели ходить в кухню и трогать котят.

После обеда Ваня и Нина слоняются по всем комнатам и томятся. Запрещение ходить в кухню повергло их в уныние. Они отказываются от сладостей, капризничают и грубят матери. Когда вечером приходит дядя Петруша, они отводят его в сторону и жалуются ему на отца, который хотел бросить котят в помойку.

— Дядя Петруша, — просят они дядю, — скажи маме, чтобы котят в детскую поставили. Ска-а-жи!

— Ну, ну... хорошо! — отмахивается от них дядя. — Ладно.

Дядя Петруша приходит обыкновенно не один. С ним является и Неро, большой черный пес датской породы, с отвислыми ушами и с хвостом, твердым, как палка. Этот пес молчалив, мрачен и полон чувства собственного достоинства. На детей он не обращает ни малейшего внимания и, шагая мимо них, стучит по ним своим хвостом, как по стульям. Дети ненавидят его всей душой, но на этот раз практические соображения берут у них верх над чувством.

— Знаешь что, Нина? — говорит Ваня, делая большие глаза. — Вместо лошади пусть Неро будет отцом! Лошадь дохлая, а ведь он живой.

Весь вечер они ждут того времени, когда папа усядется играть в винт и можно будет незаметно провести Неро в кухню... Вот, наконец, папа садится за карты, мама хлопочет за самоваром и не видит детей... Наступает счастливый момент.

— Пойдем! — шепчет Ваня сестре.

Но в это время входит Степан и со смехом объявляет:

— Барыня, Нера котят съела!

Нина и Ваня бледнеют и с ужасом глядят на Степана.

— Ей-богу-с... — смеется лакей. — Подошла к ящику и сожрала.

Детям кажется, что все люди, сколько их есть в доме, всполошатся и набросятся на злодея Неро. Но люди сидят покойно на своих местах и только удивляются аппетиту громадной собаки. Папа и мама смеются... Неро ходит у стола, помахивает хвостом и самодовольно облизывается... Обеспокоена одна только

кошка. Вытянув свой хвост, она ходит по комнатам, подозрительно поглядывает на людей и жалобно мяукает.

— Дети, уже десятый час! Пора спать! — кричит мама.

Ваня и Нина ложатся спать, плачут и долго думают об обиженной кошке и жестоком, наглom, ненаказанном Неро.